

дены новые фамилии католического вероисповедания: Каземир Янов сын Поляк, Матвей Ефимов Зайковский, Максим Павлов Посерб, Благикий Войцехов Новак, Яков Петров Урбанов, Францишек Благиев Сапея, Юзев Яков Лещинский, Степан Игнатъев Павлючек, Варфоломей Яков Залиберг, Михаил Толмашев Палевской, Михаил Михайлов Пасевка, Ян Гаврилов Демьянов, Марцыл Михайлов Фурлепов, Анисим Ануфриев Дисраланский, Францышек Антонов Цыглярский, Николай Филиппов Филиппчик, Юзеф Лаврентьев Хрунзановский, Парфил Григорьев Карпинский, Юзев Юрачев Тарновский, Матвей Осипов Барковский, Лючи Крыштофов Андрикевич, Марцын Якулов Года, Василий Лаврентьев Регула, Иван Матвеев Прилуцкий, Войцех Томашев Михальский, Александр Юрьев Беньковский.

К тому времени (1838г.) крепость была упразднена, получив статус казачьей станицы. Многие поляки были поверстаны в казаки, приняв православие.

Нередки были в станице и казачьих отрядах случаи женитьбы поляков на русских вдовах. При этом жених давал расписку в том, что если у них народятся дети, то он обязан привести детей в православную веру. В ГАКО найдены несколько расписок, одну из которых приведем полностью: «1846 года ноября 1 дня. Я, нижеподписавшийся Оренбургского казачьего полка Звериноголовской станицы служащий казак Казимир Янов Поляк сей подпиской обязуюсь в том, что если по вступлению моему в брак с вдовой Евдокией Степановой Кузнецовой приживу детей мужского или женского пола, должен привести их в веру греко-российского православного исповедания. В чем и подписуюсь Звериноголовской станицы казак Казимир Поляк» (7).

Идентичную расписку давал 21.01.1847г. казак отряда Озерного из польских уроженцев Федор Семенов Чайковский, который пожелал бракосочетаться с вдовой Пелагеей Конопковой и брал обязательство привести детей (если родятся) в православную христианскую веру (8). А «служащий казак отряда Прорывинского Качардыкской станицы из польских уроженцев Антон Иванов сын Козловский» 29.07.1849г. дал такую же расписку (9).

Однако, несмотря на расписки, многие из поляков, даже их русские жены и дети на исповедь и на причастие не ходили.

В ГАКО найден «Список верующих Звериноголовской православной общины» (не моложе 18 лет), подписанный священнослужителем Кривошековым А.И., засвидетельствованный председателем сельсовета Косаревым (10).

Список начат 10.02.1924г., окончен 20.12.1926г. В названном списке указывались различные сведения о каждом верующем: социальное положение (бедняк или середняк); имущественное положение (наличие жилья, лошади, коровы), а также выделена принадлежность к сословию (крестьянин или казак).

Число польских фамилий резко уменьшилось. Вероятно, сказались ряд причин: обмен пленными; исчезновение рода (когда рождаются только девочки); естественная убыль по причине гибели казаков - поляков на театрах военных действий: японская, германская, гражданская и др. войны; переезды потомков польских уроженцев на другое место жительства в России или на историческую родину.

Полки и батареи Оренбургского казачьего войска дислоцировались в различных местах России: на Украине, в Туркестане, в Финляндии и др. 2-й Оренбургский казачий воеводы Нагого полк дислоцировался в городе Варшава (11). Вероятно поэтому поляки в первые годы плена недружелюбно относились к звериноголовским казакам, выражаясь при этом: «Пся кревь!». Однако они вскоре перекрестились и были поверстаны в казаки, с

годами обрусели и стали равноправными жителями станицы. У некоторых потомков поляков изменились фамилии: Павлючек на Павлючков, Галявинский на Голявинский, Павлюцкий на Павлуцкий и т.д.

В настоящее время в с. Звериноголовском польских фамилий осталось совсем мало, почти исчезли из употребления. Но следует отдать должное, многие потомки плененных поляков были и стали известными людьми в Звериноголовском крае: это полковники и подполковники Павлуцкие, Голявинские, Беньковские, учитель Барковский Леонид Александрович из с. Бугровое, учитель музыки Скворчевский Юрий Викторович, механизатор-орденоносец Бояльский Анатолий Владимирович. Рядовой Яков Павлуцкий в первой казачьей полусотне уходил на «германскую» войну в 1914г.

Более полное и обширное изучение богатейших материалов ГАКО (фонды №111 – более 100 томов, №244, №464 и др.) позволяют исследователям Звериноголовского края провести дополнительные поиски, строить генеалогическое древо (родословную), а также изучать процессы заселения крепости, станицы, села, проводить анализы хозяйственной, миссионерской и других видов деятельности Крестовоздвиженской церкви.

Примечания

1. Резун Д.Я. «Литва» Кузнецкого острога XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII – XX в. Екатеринбург, УРО РАН, 1993г. С.37.
2. ГАКО, ф. 111, оп.1, д.2, л. 58 – 69.
3. Осипов С. «Звезда Суворова» // А и Ф № 47, ноябрь 2004г. С. 21.
4. ГАКО, ф. 111, оп.1, д.1, л.356 а.
5. ГАКО, ф. 111, оп.1, д.1, л.361 а.
6. ГАКО, ф. 111, оп.1, д. 43, л.40-70.
7. ГАКО, ф. 244, оп.1, д. 7, л.2.
8. ГАКО, ф. 244, оп.1, д. 7, л. 3.
9. ГАКО, ф. 244, оп.1, д. 7, л. 7.
10. ГАКО, ф. 244, оп.1, д. 7, л. 1 - 74.
11. Галушко Ю. Казаки войска России. М., 1993г. С. 139.

А.О. Никитина

Уральский государственный университет
им. А. М. Горького,
г.Екатеринбург

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ НА УРАЛЕ В 1920-Е ГОДЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1920-е гг. стали «экспериментальным» десятилетием, когда советская власть встраивала в социально-классовую структуру нового общества такую «группу» как интеллигенция. Специфика взаимоотношений интеллигенции и власти на Урале в 1920-е гг. определялась как общими факторами (культурная революция, переход от «военного коммунизма» к «нэпу», чистки технической интеллигенции 1928—1931 гг. и т. д.), так и сугубо региональными. После окончания Гражданской войны встала проблема восстановления уральских заводов, создания системы высшего образования, что осложнялось оттоком части интеллигенции Урала и спецификой собственно «региональной интеллигенции». В советской историографии раскрытие данной темы сводилось к анализу путей «формирования советской интеллигенции», в региональных исследованиях акцент делался большей частью на техническую интеллигенцию Урала и мероприятия власти по отношению к ней.

С начала 1990-х гг. начинается новый этап в изуче-

нии проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти. Только в 1990-е гг. были защищены 134 диссертации по проблемам интеллигенции, состоялось более 50 конференций, круглых столов, опубликовано более 100 монографий, сборников статей, учебных пособий (3, 91-100). В 1990-е гг. исследования приобрели выраженную междисциплинарную основу, что отразило и характер новой области знания — «интеллигентоведения», в рамках которого «отряды» интеллигенции (в том числе и ИТР) рассматриваются не как определенные социальные группы, а как сообщества лиц интеллектуального труда, обладающие такими характеристиками, как невозможность нетворческого существования, внутренняя свобода.

Именно в рамках интеллигентоведения стало развиваться направление по исследованию «провинциальной интеллигенции», чему во многом способствовало формирование в начале 1990-х гг. региональных исследовательских центров (Иваново, Омск) по проблемам интеллигенции. В Екатеринбурге Центр «XX век в судьбах интеллигенции России» был создан в 1994 г. по инициативе М. Е. Главацкого. Уральский центр, сфокусированный на истории интеллигенции XX века и историографическом аспекте, с 1994 г. провел более 10 научно-практических конференций и «круглых столов». В историографии значение научно-практических конференций часто занижается, что мотивируется тем, что в рамках выступлений возможно лишь заявить проблему, но нельзя ее раскрыть. Вместе с тем, сам набор поставленных проблем, их изменение во времени дают информативный материал для анализа накопления исторических знаний по той или иной теме. Особенно велика роль конференций на этапе появления исследовательского интереса к проблеме, когда для монографических исследований еще недостаточно «наработок».

Анализ материалов конференций уральского центра позволяет говорить об эволюции проблематики темы «интеллигенция и власть». Если на первых конференциях общий тон задавали «черно-белые» темы, в рамках которых шла констатация дискриминационного характера политики властей по отношению к интеллигенции, то с конца 1990-х гг. тональность и постановка вопросов меняется. Исследователи, включая интеллигенцию в контекст общецивилизационных процессов (конференции «Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России», «Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции», «Интеллигенция России и Запада в XX-XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития»), начинают рассматривать посреднические функции интеллигенции в социально-политических конфликтах и опыт «хождения во власть», оппозиционность политическим режимам и ее поведенческие стратегии в переломные эпохи. В сферу интересов исследователей попадают новые группы — юридическая интеллигенция, художественная. Также значительно расширилась география и хронологические рамки исследований. Если в начале внимание уделялось 1920-м гг. и репрессиям 1930-х гг., то в дальнейшем на конференциях стали появляться доклады и по другим периодам.

Помимо проведения конференций уральский центр активно занимался издательской деятельностью: в 2002 г. Центр выпустил энциклопедический словарь «История интеллигенции России в биографиях ее исследователей», содержащий 150 кратких биографий ученых, занимавшихся или занимающихся изучением истории российской интеллигенции с перечислением их основных печатных работ.

Также Центр задал новое направление в исследовании проблемы «интеллигенция Урала и власть» — речь идет о повороте к личностям интеллигентов, изучение

«культурных гнезд», т.е. выявление качественного, «штучного» вклада в культуру отдельных представителей и групп интеллигенции. В частности, можно выделить работы об инженерах В. Е. Грум-Гржимайло, П. А. Пальчинском. В 1993 году выходит отдельный сборник, посвященный судьбам научно-технической интеллигенции Урала в 1920-е годы — «Научно-техническая интеллигенция Урала в 20-30е гг.: дела и судьбы». В это же время Г. В. Гассельблат предпринимает попытку создать банк данных по научно-технической интеллигенции Урала 1920-1930-х гг.

В центре внимания региональных исследователей оказалась проблема определения характера государственной политики в отношении интеллигенции в 1920-е годы. Большинство пришло к выводу, что политика большевистского режима по отношению к интеллигенции уже с 1917 г. носила дискриминационный характер. Она вела к лишению интеллигенции ее «сущностных черт, к невозможности полнокровного, творческого существования» (1, 18). По мнению М. Е. Главацкого, правящая партия не хотела видеть в интеллигенции самостоятельной группы со своими специфическими интересами (свобода творчества, включавшая право критики власти; приоритет личности перед коллективом и т.д.) (2, 77 — 79). Причем, если в отношении «органической» интеллигенции (адвокаты, писатели, ученые и преподаватели-гуманитарии высшей школы) применялись дискриминационные меры, то в отношении «традиционной» интеллигенции (учителя, медики, инженеры) политика была противоречивой. Однако и здесь, как признает М. Е. Главацкий, в итоге восторжествовали репрессивные методы. Итог — интеллигенция как социального слоя по существу не стало уже на рубеже 1920—1930-х гг.

В региональных исследованиях стала разрабатываться периодизация политики советской власти в отношении уральской интеллигенции в 1920-е гг. Так, А. И. Делицой выделяет волны — смягчение / ужесточение политики — в «общении» власти с интеллигенцией. При этом автор подчеркивает несинхронный характер процессов в двух срезах — идейно-политическом и профессиональном. Причем периоды «смягчения» не оказывают решающего влияния на общую оценку взаимоотношений ИТР и власти на Урале в 1920-е гг., как на отношения, носившие явно дискриминационный для интеллигенции характер.

По-новому развернул проблему взаимоотношений интеллигенции и власти И. В. Сибиряков в монографии «Интеллигенция Урала в условиях реформ (исторический опыт XX века)», в которой отдельно выделены 1920-е гг. В исследовании делается акцент на специфику «провинциальной» интеллигенции в выстраивании общения с властью. И. В. Сибиряков, вслед за другими исследователями, делит методы социальной политики большевиков на «мягкие» и «жесткие». «Мягкая» линия проводилась в серии партийно-государственных решений, направленных на улучшение условий труда и быта специалистов. «Жесткая» линия — в серии идеологических «чисток» и кампаний (4, 36). Но также автор рассматривает способы, которые использовала интеллигенция Урала для защиты своих социальных и экономических прав. Подводя итоги, И. В. Сибиряков указывает, что основная масса интеллигенции не была допущена к разработке масштабных преобразований. Однако, на наш взгляд, вывод И. В. Сибирякова о том, что алгоритмы поведения уральской интеллигенции в годы реформ ничем принципиальным не отличались от алгоритмов поведения интеллигенции Сибири или Поволжья — достаточно достоверен. Категорично автор заявляет и об отсутствии существенных расхождений в оценках и действиях отдельных отрядов интеллигенции внутри уральского региона.

Дальнейшее развитие получило изучение проблемы «спешества». В частности, А. Б. Суслов и А. И. Делицой сделали вывод, что одной из главных причин распространения этого явления в регионе стала проповедь особой миссии пролетариата в мировой истории, усиленно проводимая большевиками.

Одновременно с «описательным» направлением в изучении вузовской интеллигенции начинается разработка и «проблемное» направление. Здесь необходимо отметить исследование О. В. Пропп «Высшая школа Урала и власть в условиях нэпа: опыт взаимоотношений (1921-1925 гг.)», в котором анализируются этапы и методы реорганизации административного аппарата вузов в 1921-1925 гг., процесс выполнения государственного заказа на подготовку новых специалистов, влияние органов власти на научную деятельность вузов. Автор указывает на то, что советская власть для обеспечения идеологического влияния в вузах использовала комбинации методов — от переговоров и обещаний уступок профессуре до административного давления и привлечения ГПУ. К 1925 году, по мнению О. В. Пропп, внутренняя жизнь вузов была полностью перестроена в интересах советской власти. Автор отмечает, что реорганизация системы высшего образования в первой половине 1920-х годов являлась для государства исключительно политической задачей.

Однако несколько невостребованной, со стороны современных региональных исследователей, оказалась педагогическая интеллигенция. Здесь вышли только единичные работы, в которых главный акцент сделан не на осмыслении сути и специфики моделей взаимоотношения педагогической интеллигенции и власти Урала, а на более полном фактографическом обосновании ранее высказанных концепций.

Среди новаций современной историографии стало введение понятия «конформизм» как поведенческой стратегии, которая была характерна и для интеллигенции Урала в 1920-е гг. Но, к сожалению, изучение явления конформизма применительно к истории интеллигенции Урала в 1920-е годы пока не нашло должного развития среди уральских исследователей. Выведенное «в свет» сибирской школой интеллигентоведения, оно в большей степени разрабатывается именно сибирскими учеными.

Одновременно ряд исследователей стал поднимать целый комплекс принципиально новых тем. Например, А. И. Делицой начал рассматривать феномен корпоративности инженеров, Л. А. Фофанова — поведение интеллигенции Урала в конфликте с властью за свои гражданские права в рамках проводимой государством кампании по лишению избирательных прав в 1920—1930-е годы. В этом направлении нашла отражение еще одна тенденция — выделять отдельные аспекты во взаимоотношениях интеллигенции и власти.

С 1990-х годов начинают появляться исследования, посвященные истории национальной интеллигенции Башкирии и Удмуртии, в рамках которых рассматриваются 1920-е гг. Здесь надо отметить работы О. И. Васильевой, Л. Ф. Шкляевой, посвященные вопросам формирования удмуртской и башкирской интеллигенции. Так, О. И. Васильева отмечает противоречивость политики советской власти в отношении национальной интеллигенции: высокий уровень подготовки специалистов, с одной стороны, политические репрессии — с другой. В результате, О. В. Васильева делает вывод о том, что удмуртская интеллигенция в конце 20-х — начале 30-х гг. отказалась от активной общественной позиции.

Таким образом, за последние 15 лет сделан значительный шаг в изучении проблемы взаимоотношений

интеллигенции Урала и власти в 1920-е годы. Расширилась проблематика исследований, введены в научный оборот новые исторические источники, проводятся профильные научно-практические конференции. Вместе с тем очевидный недостаток — отсутствие комплексных трудов по проблеме. Выходящие тезисы исследований и докладов позволяют лишь заявить проблему и часто ostavlyat за скобками ее решение. На настоящий момент большинство исследований посвящено проблеме взаимоотношений технической интеллигенции и власти Урала: логика поведения государственной власти и изменение позиций интеллигенции по отношению к власти, проанализированы механизмы принятия решений. В меньшей степени исследователи обращались к изучению научной интеллигенции, уделяя главным образом внимание исключительно вузовской интеллигенции. Также только со второй половины 1990-х годов исследователи стали «переключаться» от анализа моделей «поведения» власти на анализ шагов, предпринимаемых интеллигенцией в отношении власти. Во многом именно неравномерность изученности различных аспектов взаимоотношений интеллигенции Урала и власти в 1920-е годы сдерживает появление обобщающих работ по данной теме.

Примечания

1. Войков В. Л. Интеллигенция Урала в годы революций и гражданской войны (март 1917-1920 гг.). Автореф. дис. ...канд. истор. наук. Свердловск, 1991.
2. Глазковский М. Е. Несостоявшееся партнерство // Интеллигенция и власть на пороге XXI века: Тез. докл. регион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1997. С. 77—79.
3. Олейник О. Ю. Изучение проблем интеллигенции в 90-е годы: Справочно-библиографическая информация // Интеллигенция и мир. Иваново, 2001. № 1. С. 91-100.
4. Сибиряков И. В. Интеллигенция Урала в условиях реформ (исторический опыт XX века). Челябинск, 2003.

Е. В. Колобынцев

Уральский юридический институт МВД России,
г. Курган

К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА «РЫНОК ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.»

В настоящее время проблема формирования и развития рынка и рыночных отношений занимает одно из ведущих мест в научно — публицистической литературе. Однако, не зная прошлого, достаточно тяжело говорить о настоящем. Зная исторические условия формирования рыночных отношений в Южном Зауралье, можно прогнозировать в какой — то мере и будущее. Понятия рынок и рыночные отношения достаточно общие. Попробуем разделить эти понятия на составляющие. Можно выделить рынок промышленных, ремесленных товаров и рабочей силы, сельскохозяйственный рынок и ценообразование.

Изучением данной темы в разное время в той или иной мере занимались следующие ученые и краеведы: В. В. Прусс, Н. Ф. Емельянов, В. А. Никитин, П. А. Свищев, А. И. Фельдшер и др.

Одним из первых исследователей проблемы развития рынка в Южном Зауралье был В. В. Прусс. В статье «Развитие капитализма в Южном Зауралье в конце XIX — начале XX вв.» он исследовал этот вопрос с точки зрения развития капитализма в Южном Зауралье в конце XIX — начале XX вв. В конце XIX в. Зауралье представляло из себя район чисто аграрный, где никакой крупной про-